

Христиане считают Причастие кульминацией литургии, высшим Таинством — символикой, присущей только Иисусу. В реальности этот обряд уже был широко распространен во всех учениях таинств, связанных с умирающим и воскресающим богом, включая культы Диониса, Таммуза и Осириса. В каждом случае это был обряд единения с богом и достижения духовного просветления (хотя римлян ужасал элемент каннибализма, заложенный в обряде). Все эти культы были широко представлены в Палестине во времена Тайной Вечери, поэтому их влияние можно понять.

Возможно, имеет значение тот факт, что из всех четырех Евангелий только Иоанн, рассказывая о Вечере, не упоминает об обряде вкушения хлеба и вина — вероятно, потому, что, скорее всего, этот обряд на самом деле впервые состоялся не тогда. В других местах Евангелия от Иоанна (6:54) подразумевается, что священная еда из вина и хлеба была принята с первых дней миссии Иисуса в Галилее.

Сама концепция поедания Бога — обряд Мессы — чужда евреям. Десмонт Стюарт говорит:

«Понятие, что зерно есть Осирис, было распространено в Египте, хотя существовало аналогичное понятие единения с Деметрой и Персофоной и в Греции»⁴³.

Еще одно подобие с учениями таинств, не имеющее аналога в иудейской вере и религиозной практике, — история воскрешения Лазаря. Это явно акт инициации или посвящения: Лазарь прошел через символическую смерть и второе рождение, что является часто встречающимся обрядом учений таинств того времени, отзвук которого встречается в некоторых ритуалах франкмасонов. Единственное каноническое Евангелие, в котором дается этот эпизод — от Иоанна, — трактует его как буквальное воскрешение из мертвых. Но «Тайное Евангелие» от Марка явно дает понять, что этот акт был символическим: им была отмечена «смерть» прежнего Лазаря и рождение духовно обновленной личности. Предположительно, из других Евангелий этот эпизод был изъят за слишком прямое сходство с обрядами культов таинств. Но с точки зрения данного исследования наиболее значимым является прямое подобие этого обряда ритуалу церемонии «повторного рождения» в египетском культе Исиды. Десмонт Стюарт говорит (в отношении мистики культа Исиды I века):

«... произошедшее в Вифании показывает, что Иисус практиковал элементы мистерии, родственные тем, что испытал Луций Апулей во время мистерии культа Исиды»⁴⁴.

Даже сам факт распятия усиливает позицию евреев, отрицающих, что Иисус был тем Мессией, которого ждали, потому что столь позорная смерть была не для всепобеждающего Мессии. Само по себе это христиан не волнует, поскольку они придерживаются мнения, что мессианство Иисуса было в терминах духовности гораздо шире ожидаемого евреями. Однако имеются другие проблемы Нового Завета в отношении смерти Иисуса. По всей видимости, христианская интерпретация смерти как высшего мистического жертвоприношения была придумана позднее, чтобы устранить расхождение между ожидаемыми евреями качествами Мессии и тем, что на самом деле произошло с Иисусом.

Было выдвинуто предположение, что Иисус и его ближайшее окружение создали новую концепцию Мессии, заимствовали для этого идеал Страдальца за справедливость, взяв в качестве образца Иосифа из апокрифов еврейских авторов. Но весьма важно то обстоятельство, что на еретическом севере Палестины — в Галилее — Иосиф вобрал в себя некоторые черты сирийского культа Адони-са-Таммуза⁴⁵. Ученые отметили также влияние пастушеского бога Таммуза на Песню Песней⁴⁶, которая, как было показано, столь важна для